

Старейшина рабросился на ИЦяня первым попавшимся подруку предметом и стал колотить сына. Матушка Ивсегда защищала молодшего, хотя на самом деле те же считала поведение ИЦяня возмутительным до глубины души. И всё же она пыталась загородить сына. Поняв, за что именно онанего дня гневается старейшина, ИЦянь воскликнул воинственным возмущением: Я действительно встречался с ФуФэем в прошлом, но мы расстались ещё до его женитьбы! После того как он женился, между нами больше ничего не было!

Его слова тут же вспылили Глава Шуцзы до белого каления. Скрипя ярости, она завопила: Ты врёшь! У меня есть доказательства! Думаешь, я не знаю? ФуФэй каждый несколько дней ходит к пятибежке тебе!

Какое моё дело до этого? Я же его не останавливал... Не успел ИЦянь договорить, как его отец швырнул неговазу. Метни старик чуть точнее, сыну было бы не миновать проломленной головы и крови. ИЦянь, которого в первые в жизни так встретили в собственном доме, в гневу вернулся и выбежал прочь. Стоило ему выскочить за порог, как в спину долетел рев старейшины: Поймать его! Живым не возвращать, притащить сюда!

ИЧжоу уже успевал выступить миротворцем, как его тут же снарядили по поиску беглеца. Матушка Ипереживала за безопасность сына, а старейшина бесновался из-за его постыдного поведения, бесстыдной лжи и позора на мёртвых улиганов, которые не постеснялись явиться прямо домой, покрыв семью сраминой; впрочем, отец наверняка тоже боялся, что на творит дел в недосуге, потому и приказал ИЧжоу немедленно приволочь ИЦяня обратно.

ИЧжоу сначала думал, что ИЦянь отправился к ФуФэю.

Разве ИЧжоу не знал характера своего брата? Изнеженный детства, непривыкший терпеть унижения и обиды, он, получив такую пощечину по самолюбию, наверняка помчался к тому самому ФуФэю.

Но когда они добрались до ФуФэя, тотамникого не оказалось. К тому же ФуФэй сам сидел на иголках, никак не жидая, что жена явится устраивать скандал рядом с домом семьи И.

ИЧжоу задал буйную хорошую взбучку, а потом отслал людей прочёсывать город: одни отправились на квартиру ИЦяня, другие на автомойку, сам же он поехал наведаться к друзьям брата.

От каких-то знакомых ИЦяня он кружным путём выведал, что на самом деле связь между ИЦянем и ФуФэем во все было не секретом — об этом знали почти все их приятели.

ИЧжоу готов был сквозь землю провалиться от желания скрутить брата и долгие годы поддавать ему как следует. Он совершенно не понимал, скакого перепугу его благополучный брат по собственному желанию ю согласился лечь под ФуФэя.

Да кто проклятый ФуФэй такой!

Поэтому за закономерный вопрос ИЦяню ИЧжоу нашлись лишь бессильные возражения, и он даже понял, что совершенно не знает, что ответить.

Самолёт в город Здомчал быстро. После приземления ИЦянь уныло скоржился на заднем сиденье машины, выглядя так, будто жизнь для него уже потеряла всякий смысл. ИЧжоу хотел бы высказать всё, что думает, но проглотил слова, лишь тяжёло вздохнув про себя.

Приближался Праздник Весны, но город Зоказался на удивление безлюдным и тихим. Улицы, всегда забитые пробками, теперь опустели; в потоке мелькали лишь редкие автомобили, на тротуарах не было души, почти все лавки закрылись, даже городские зелёные насаждения вдоль дорог выглядели увядшими и поникшими.

Подумалось ИЦяню, наверное, потому, что большинство жителей этого города уехали на северную родину, в родные деревни.

ИЦянь вспомнил шумный город в родном крае ЛуФэна, где даже на ступени и в ночине иссякал поток людей, и все вокруг громко, не стесняясь, переговаривались и окликались друг друга.

Одёрнув взгляд, ИЦянь украдкой огляделся в салоне. Это была машина старшего брата; за рулём сидел пожилой водитель, проработавший в доме Имного много лет. Внутри было просторно и чисто, а воздух тонко пах лавандой и ароматическими благовониями, вперемешку с запахом дорожной кожаной обивки.

ИЦянь сожал правой рукой собственную левую ладонь. Кожа к коже — они испытывали влажное, скользкое прикосновение друг друга. От духоты в салоне ладони покрылись липким потом.

Всё это было совсем непохоже на то, как ощущалось прикосновение рук ЛуФэна. Руки ЛуФэна казались шире и крупнее, суше и мощнее, их покрывали грубые мозоли, а на тылах были заметны красные следы обморожения. Вспомнив это, ИЦянь вдруг почувствовал, как грудь переполняет невыносимая тоска. Впрочем, сложно было сказать, тоска или это — он не мог подобрать слово для этого странного состояния: сердце щемило, болело, а вокруг все плыло от оцепенения.

ИЧжоу заметил резкий поворот головы и услышал тихий, почти неразличимый хрип в горле, похожий на задущенный плач.

Сам ИЧжоу был человеком прагматичным, выросшим в среде реального семейного бизнеса. Ещё со дня окончания университета по возвращении на родину он крутился ввозе, и всевозможные деловые вопросы в купе человеческими отношениями поглощали его время без остатка. У него просто не оставалось времени на подобные глупости вроде праздных штатий и мурных интриг, как это делал ИЦянь. Даже женитьба произошла по расчёту: сходили вместе на смотрины, показалось неплохо — и поженились. Он несколько не понимал, не хотел понимать эти сложные, запутанные любовные игры брата.

И все же, глядя на него сейчас, он чувствовал себя неважно.

Протянув руку, И Чжоу похлопал брата по плечу и сказал: Отец не совсем же беспощаден. Смягчайся, иди первым напятную, чтобы он ни говорил

— сначала соглашайся, а остальное уладится со временем, ладно? Он наклонился, чтобы заглянуть И Цяню в лицо. Тот запрокинул голову, подавляя тоску в сердце и заодно избегая взгляда И Чжоу. И Чжоу с усмешкой скривил губы и произнес:

— Совсем тебя не понимаю. Этот Фу Фэй — человек расчетливый, ради достижения целей идет на любые средства. Раньше, пока он увивался за тобой, я еще молчал, но теперь, когда он женился и все равно, черт побери, крутится возле тебя, он просто заслужил, чтобы ему выклевали глаза.

Хотя И Цянь сам затаил на Фу Фэй сильную обиду и гнев, ему вовсе не хотелось говорить о нем, и он не желал, чтобы кто-то из близких заводил об этом речь. Он ответил:

— Мы с ним уже давно оборвали все связи, давай не будем о нем.

— Не говорить о нем? Скажешь не говорить — и я не буду.

И Чжоу холодно усмехнулся, уставившись на И Цяня глубоким, недовольным взглядом:

— Ну надо же, ты доверчивее любой женщины. Ума не приложу, как у меня, у И Чжоу, мог уродиться такой младший брат.

— Прошу прощения, что не уродился в тебя и заставил разочароваться, — с раздражением бросил И Цянь. И Чжоу был старше И Цяня на семь-восемь лет. Он рано стал рассудительным, поэтому, когда И Цянь родился, старший брат уже не проказничал и не предавался детским глупостям, однако и к самому И Цяню, бывшему тогда еще совсем младенцем, особого интереса не проявлял. Позднее, когда они оба подросли и И Цянь тоже начал все понимать, И Чжоу стал во всем наставлять его как старший брат. Но И Цянь, помимо миловидной и симметричной внешности, во всем остальном обладал весьма посредственными способностями. Стоило И Чжоу трижды объяснить ему задачу по математике, как тот все равно ничего не понимал. Терпение И Чжоу лопалось, он разворачивался и уходил, требуя, чтобы семье наняли для И Цяня репетитора, и больше к нему с этим не обращались.

Разве И Цянь не понимал, что старший брат смотрит на него свысока? А раз так, он и не лез к нему лишний раз, чтобы не нарываться на неприятности.

В детстве И Цянь столько раз терпел от И Чжоу упреки, что поначалу даже боялся его, но со временем у него развился дух протиестественного бунтарства: он перестал и бояться его, и уважать. К тому же из-за разницы в характерах их жизненные пути разошлись.

Его старший брат был главной опорой семьи, в то время как сам он слыл беспутным младшим господином, занимающимся всякой ерундой.

И Чжоу занес руку, чтобы отвесить И Цяню подзатыльник, но И Цянь оттолкнул его руку.

И Чжоу фыркнул и произнес:

— Сколько тебе ни говори, толку ноль. В общем, что касается этого Фу Фэя, если ты еще хоть раз свяжешься с ним, то не говоря уже об отце — я сам тебя отлуплю. Ты говоришь, что это свободная любовь, а по-моему, ты просто не уважаешь сам себя.

Высказав это с каменным лицом, И Чжоу умолк. И Цянь с мрачным выражением бросил на него косой взгляд и ничего не ответил. Хотя они с Фу Фэем уже давно расстались, и он понимал суть Фу Фэя ничуть не хуже И Чжоу, И Цянь не желал, чтобы кто-то осквернял его прошлые чувства. В конце концов, это была лучшая пора его юности. Теперь же его душа состарилась, превратившись в робкую, прячущуюся в панцирь черепаху. Вернувшись домой, И Юньшэн, переживший немало бурь и невзгод, хоть и был ужасно разгневан поступком младшего сына, всё же не рухнул от удара.

В свои шесть лет перешагнувший рубеж в шестьдесят пять лет, он, как человек несметного богатства, совершенно не выглядел старым. Вот только в его осанке сквозило такое тяжёлое, давящее величие, что стоило ему сдвинуть брови и застыть без улыбки, как окружающие начинали трепетать от страха.

Доброжелательным человеком его назвать было никак нельзя.

И Цянь с малых лет почти с ним не общался — у отца всегда находилась тысяча дел, и дома он бывал так редко, что в детстве услышать хоть одно наставление из его уст казалось неслыханной роскошью.

К тому же в детстве И Цянь отличался послушным нравом и почти не доставлял хлопот, поэтому отцу еще реже приходилось тратить на него силы и время.

До этого момента И Цянь по-настоящему ссорился с ним всего лишь раз.

После окончания учебы он вернулся домой, и отец потребовал, чтобы он вошел в семейную корпорацию для наработки опыта, определив его на одну из низших должностей, чтобы он постигал азы технологий и управления.

Семья И занималась преимущественно тяжёлой промышленностью и машиностроением, а также брала на себя важные государственные секретные проекты и даже участвовала во многих ключевых общенациональных начинаниях. Нетрудно было представить, до чего же традиционной, суровой и донельзя педантичной была царившая в семье И атмосфера.

Характер же И Цяня совершенно не вязался с этой атмосферой. Ему всё это было глубоко претило, и он категорически отказывался работать в семейном бизнесе. И Юньшэн тогда жутко разозлился. И Цянь в те годы был еще совсем молодым, к тому же избалованным с малых лет и учившимся в условиях тепличной среды башни из слоновой кости. В порыве юношеского бунта он поругался с И Юньшэном в пух и прах, наотрез отказавшись трудиться в семейной корпорации. Но когда старейшина спросил его, чем же он в конце концов хочет

заниматься, И Цянь не смог толком ничего ответить. Ему нравилась фотография, однако он не мог стать профессиональным фотографом, поскольку любил снимать лишь то, что нравится ему самому, и был не в силах угодить требованиям клиентов. Так он и сам заблудился в собственных сомнениях.

И именно в этот самый тяжелый период его жизни к нему приблизился Фу Фэй. И Цянь был очарован тем, с каким беспринципным рвением Фу Фэй карабкался вверх. К тому же Фу Фэй говорил ему: занимайся тем, чем хочешь, ведь вовсе не обязательно взваливать на себя столько ответственности и силой превращать собственное сердце в железобетон; раз уж от природы он мягок душой, то должен оставаться таким всегда.

И Цянь сбежал, укрывшись под его крылом. Отец, не имевший никакой управы на сына, характером уродившегося в мать, а вовсе не в него, был вынужден переключить все свои силы на воспитание старшего брата.

И Чжоу не обманул его ожиданий. И Чжоу был точной копией самого отца: стоило ему хоть день не закрутиться волчком в бесконечных делах, как его тут же начинало ломать от бездействия.

Вот почему И Юньшэн окончательно махнул рукой на воспитание младшего сына — вплоть до того дня, пока в их дом не явились чужие люди. И Юньшэн — человек весьма влиятельный, даже высокопоставленные чиновники и знать встречают его с улыбкой на лице, но какая-то женщина отчитывала его на чём свет стоит прямо перед ним, а он мог лишь стерпеть. Всё потому, что виноват действительно его сын. Не научил сына отец — это вина отца.

И Цяня вернули домой, но старейшина уехал на важное совещание и дома его не было.

И Чжоу тоже не мог бесконечно возиться с И Цянем дома. Бросив его там, он распорядился перед всей челядью:

— Приглядывайте за ним как следует, не выпускайте из дома.

После этого в комнате И Цяня установили глушитель сигнала, лишив его всякой возможности связаться с внешним миром.

И Цянь забился в свою комнату, где, помимо материнских слёз, его ждала лишь целая гора книг о том, как правильно вести себя в обществе.

Матушка И носила девичью фамилию Пу и происходила из потомственной семьи военных. Семья Пу держалась в тени, но за столько лет накопила такое влияние, что стала поистине несокрушимой силой, а поскольку они не затевали смут, этот фундамент становился лишь крепче.

Атмосфера в семье Пу царила ещё более угнетающая и суровая, чем в семье И: там не

допускалось ни малейшего проявления бунта, требовалось лишь беспрекословное подчинение. Матушка И обладала мягким нравом, почти полностью следуя правилу: дома подчиняйся отцу, а выйдя замуж — мужу. Однако она не была лишена ума и собственного мнения, но всегда меняла себя ради так называемых высших интересов, как бы сильно ей самой этого ни хотелось.

Матушка И сказала И Цяню:

— Эта девушка из семьи Лю — просто прекрасная партия. Она окончила университет в стране, а магистратуру получила в Англии, изучала историю искусств. Ты ведь любишь фотографию, у вас наверняка найдётся много общих тем для разговора. Малыш Цянь, твой отец велел передать: на четвёртый день нового года мы пригласим её вместе с родителями в гости.

И Цянь ничего не ответил.

Лицо матушки И выражало глубокую тревогу. Её глаза, заплаканные за эти дни, оставались красными и опухшими, припухлость даже не думала спадать. Голос слегка охрип, и в нём звучали почти просительные нотки, когда она говорила с И Цянем.

И Цяню очень хотелось ожесточить своё сердце, но он не мог. Он протянул руку и взял матушку И за ладонь. Кожа у неё, ухоженная и чуть располневшая, была белой, как и пальцы, а сами пальцы — мягкими. Но за эти дни она не накладывала макияж, и из-за тревоги её цвет лица ухудшился, а морщины в углах глаз и на лбу казались особенно глубокими. И Цянь понял, что его мать действительно постарела. Она была младше отца лет на пять-шесть, в прошлом — танцовщица ансамбля песни и пляски, а со дня свадьбы сидела дома, занимаясь мужем и воспитывая детей. И Цянь рос рядом с ней и унаследовал от неё как внешность, так и характер.

И Цянь спросил:

— А папа? Он ещё не вернулся?

Матушка И ответила:

— Вернётся завтра вечером. Что бы он ни сказал, помни: он желает тебе только добра, не спорь с ним.

Пальцы И Цяня коснулись уголков её глаз, он попытался легким движением разгладить морщинки, но его пальцы вовсе не обладали какими-то волшебными свойствами — кроме того, что матушка И снова расплакалась, морщины никуда не делись, а на висках он разглядел белые пряди, которые она не успела покрасить.

И Цянь проговорил:

— Мам, ну не плачь, зачем ты опять плачешь?

— Пообещай мне, что не будешь ссориться с отцом, — всхлипывая, произнесла матушка И. — Что бы он ни сказал — просто выслушай и со всем соглашайся.

И Цянь прикусил пересохшие губы и ответил:

— Я знаю. Но дядю с тётей из семьи Лю и их дочь всё-таки лучше не звать. Ты же сама видела, как госпожа Гу, жена Фу Фэя, приходила к нам в дом. Если я женюсь, то точно так же испорчу жизнь какой-нибудь девушке.

Слёзы матушки И снова хлынули ручьями, будто не стоили ровным счётом ничего. Она впилась пальцами в руку сына:

— Мама не понимает, почему обязательно нужен мужчина, почему же, малыш Цянь? Разве ты сам не мужчина? Неужели мама виновата? Твой отец говорит, что это я тебя так воспитала, я виновата, да?

Сердце И Цяня словно жгло раскалённым железом, от этой боли ему казалось, будто он сейчас превратится в пепел — хотя, пожалуй, превратиться в пепел было бы даже легче. Он взял салфетку, чтобы вытереть ей слёзы, прижал к груди и нежно погладил по волосам:

— Мам, что ты такое говоришь? Я тебя люблю больше всех. Больше всех на свете.

Матушка И не могла сдержаться и продолжала плакать, кажется, выплакивая глаза.

Её слёзы были подобны сокрушительному наводнению в его душе, грозившему затопить весь его мир целиком.

И Цяню оставалось лишь бесконечно утирать ей слёзы. А сказать о том, что он сам ничего не может поделать и что сексуальная ориентация — это вовсе не то, что выбирают по собственному желанию, он не мог. Не мог произнести эти слова перед матушкой И.

Ему безумно хотелось сбежать отсюда, но он знал, что бежать ему некуда.

Он опустил ниже и поцеловал её в лоб:

— Мам, ну правда, перестань плакать. Давай я возьму камеру и сфотографирую тебя, запечатлею тебя такую.

Матушка И сквозь слёзы сердито глянула на него:

— Время ли сейчас шутить?

— Я вполне серьёзно, — ответил И Цянь.

Он действительно пошёл за фотоаппаратом. Тяжелая камера легла ему в руку, из окна падал блеклый зимний свет. Матушка И попыталась отвернуться:

— Не снимай. Нашёл время веселиться. Разве можно показываться людям в таком виде?

И Цянь возразил:

— С чего ты взяла? Ты у меня всегда самая красивая.

И он принялся делать один кадр за другим. Матушка И сперва пыталась прятаться, но видя, что скрыться не удаётся, сдалась и с беспомощной, исполненной нежности улыбкой посмотрела на объектив, со всё еще мокрым от слёз лицом.

Глядя на неё через видоискатель, И Цянь чувствовал, как его душу заливают бескрайнее море пустынных песков, выпивающих всю влагу до последней капли. Сердце иссохло, в нём не осталось ни единой слезинки, лишь глухая, угасающая жизнь.

Лу Фэн беспокоился, что И Цяню придется несладко, когда его заберут домой, и тем же вечером снова позвонил ему, но в ответ услышал: абонент находится вне зоны действия сети.

Он попытался позвонить на прежний номер И Цяня, но автоответчик выдал то же самое сообщение.

Не зная, что именно произошло с И Цянем, он был вынужден заглушить тревогу и заняться делами.

Лу Фэн тщательно вымыл весь дом от крыши до стен, сходил в уездный центр, закупил там множество необходимых в хозяйстве вещей и принёс домой, а затем встретился с несколькими друзьями и угостил их обедом.

Его бывшие одноклассники по старшей школе почти все разъехались по университетам, а те, кто не учился на медиков или в аспирантуре, уже год или полтора как окончили учебу и работали.

В свое время он слыл первой красавицей класса — вернее, парнем с обложки класса. Хотя каждый знал, что Лу Фэн из бедной деревенской семьи, в этом скромном уездном городке девчонки школьной поры не ставили происхождение во главу угла, оценивая личное обаяние человека. К тому же у Лу Фэна был отличный характер, да и учился он блестяще: тогда он пользовался невероятной популярностью, и сколько девушек вздыхало по нему втайне, сосчитать было невозможно.

Когда его посадили в тюрьму, многие заступались за него и проливали о нём горькие слезы до опухших глаз.

Но теперь, спустя четыре года университетской жизни и год скитаний по суровому взрослому миру, те, кто когда-то казался столь наивным, в этом обществе по принципу «выживает сильнейший» невольно стали реалистами.

Лу Фэн был благодарен своим бывшим учителям. Чтобы смягчить ему наказание и вызвать жалость судьи, классная руководительница собрала и написала множество характеристик, попросив остальных учеников подписать их; в бумагах отмечалось, какое усердие, выдающиеся способности, доброту и мягкость проявлял Лу Фэн в школьные годы. Она также неоднократно навещала его в тюрьме, подбадривая не терять надежду на светлое будущее после освобождения, и привозила ему много книг.

Лу Фэн пришел навестить её с подарками. Учительница обрадовалась, что тюремные стены не испортили его душу и что он остался прекрасным молодым человеком. Она была безумно счастлива, долго-долго беседовала с ним и пригласила на встречу выпускников через пять лет.

Лу Фэн на самом деле не хотел идти: он понимал, что между ним и остальными одноклассниками неизбежно пролегла пропасть. Но вспомнив, как горячо они за него вступались и составляли те бумаги, он знал, что обязан отплатить за доброту, и потому принял приглашение учительницы, пообещав прийти.

Учительница дала ему номера телефонов нескольких ребят, с которыми он был дружен в школе, чтобы он мог с ними связаться.

Лу Фэн не стал звонить Гу Чэнцзе. Тот был его соседом по комнате в те годы — именно ради того, чтобы заступиться за него в драке, Лу Фэн и угодил за решетку.

Из слов учительницы он узнал, что впоследствии Гу Чэнцзе поступил в ведущий медицинский вуз, отучился по непрерывной восьмилетке бакалавриата, магистратуры и аспирантуры и до сих пор продолжает грызть гранит науки.

Тогда Лу Фэн набрал номер Гао Цзюньчао, своего бывшего соседа по парте. Поскольку Лу Фэн отличался смазливой внешностью, тот вечно подшучивал над ним и подкалывал, но Лу Фэн не был человеком, лишённым чувства юмора, и по большей частью спускал это шуткам с рук. Учительница рассказала, что после окончания учебы Гао Цзюньчао вернулся в родной уезд и устроился госслужащим в отдел пропаганды. Дела у него шли неплохо, и именно он занимался организацией предстоящей встречи выпускников.

Получив звонок от Лу Фэна, Гао Цзюньчао немало удивился. На самом деле все наводили справки о выходе Лу Фэна на свободу, но никто не решался выйти с ним на связь — в сердцах людей жила неловкость, мешавшая сделать первый шаг.

Лу Фэн уловил первоначальное смущение и фальшь в голосе Гао Цзюньчао и с улыбкой произнес:

— Что такое? Я же не сфотографировался с вами на выпускном альбоме, неужели ты меня

автоматически вычеркнул из списков?

— Черт возьми! Даже если бы мы тебя вычеркнули, то точно не из-за отсутствия на общем фото! Наоборот, хорошо, что тебя там не было — иначе с твоей-то красотой разве кто-нибудь стал бы смотреть на нас, стоящих рядом?

Он принялся откровенно льстить Лу Фэну, расхваливая его привлекательную внешность.

Поскольку многие одноклассники уже работали и разъехались по всей стране, причем большинству нужно было уезжать сразу после новогодних праздников, встречу выпускников назначили на второй день нового года. Тем, у кого была вторая половинка, разрешалось брать её с собой.

С тех пор как И Цянь вернулся домой, Лу Фэн никак не мог с ним связаться. Когда Лу Фэн звонил Не Сычэну поздравить с Новым годом, он намеренно вскользь упомянул И Цяня, на что Не Сычэн ответил:

— Я тоже пытался ему дозвониться, но вне зоны. Эх, у него там приключились кое-какие неприятности, вряд ли он сможет куда-то выйти в ближайшее время.

Сердце Лу Фэна тревожно сжалось:

— Что за неприятности?

<http://bllate.org/book/21447/2191822>